

- Сергей Николаевич, после окончания филфака МГУ вы успешно работали в газете и на радио. Отчего бросили журналистику?

- Я с детства мечтал стать писателем, создавать свой мир. Мир не грез, а неких компенсаций за то, что в жизни не успел прожить, почувствовать, на что не хватило времени и сил. С другой стороны, для меня писательство – это стремление поймать ускользающее мгновение. Если ты его не зафиксируешь на бумаге, оно растворится в потоке других событий. Наверное, поэтому я много лет ежедневно веду дневник. Но доверяю памяти, она штука коварная. Многие события сначала кажутся мелкими, преходящими, но спустя время оказываются значимыми явлениями. Тогда ты и рад бы о них рассказать, но многих деталей уже не вспомнить.

Первую страничку дневника я написал 17 сентября 1984 года, в день смерти Юрия Визбора, с которым многие годы приятельствовал и делил кабинет в журнале «Кругозор». В 70-80-е было такое глянцево-издательское дурное время, потому что к печатным материалам прилагались еще и гибкие грампластинки. На них записывали не только эстрадные песни, но и монологи известных людей, рядовых тружеников. Какую увлекательную пластинку мне удалось записать с председателем колхоза в Краснодарском крае Семеном Чуприной! Колоритный был мужик. Его размышления о жизни сермяжной и добросовестном труде потом много раз гоняли по радио. Но для полноценной журналистской работы мне не хватало настырности. Воспитание не позволяло беспардонно врываться в любую дверь и требовать, чтобы тебе предоставили информацию. Без этого качества теперь журналисту, кажется, уже не обойтись...

- Вашего отца и деда репрессировали при Сталине как врагов народа. У вас нет обиды на советскую власть?

- Вы знаете – нет. Я был послушным ребенком, старательным школьником и примерным студентом. Хорошо помню 22 июня 1941 года. Мне, шестилетке, впервые сшили длинные брюки как взрослому, и я щеголял в них по двору. В тот момент, когда по радио объявляли войну, наша семья обедала, и моя двоюродная тетка вносила в комнату зеленую кастрюлю с горячим борщом. От услышанного она так перепугалась, что выронила кастрюлю на пол. В первый год войны мы жили в эвакуации на родине матери в деревне на Рязанщине. Помню, зимой у нас не было дров, и мать спилила яблони в бабушкином саду, о котором всегда рассказывала как о самом красивом месте на земле.

Когда вернулись в Москву, мать мне говорит: «Тебе не в чем ходить, сынок, попроси у директора школы ордер на ботинки». Я понимал, что ничего зазорного в этом нет, вся страна жила тяжело, но было жутко совестно просить ботинки. Наш директор Шабанов внимательно меня выслушал, без лишних расспросов вынул из нагрудного кармана заветную бумажку и протянул мне.

Никогда не забуду день, когда меня принимали в комсомол. На вопрос: «Где твой отец?» – я честно признался: «Сидит в тюрьме», – и вдруг разрыдался. Тогда поднялся комсомолец Андрияша Щавель и сказал: «Это ничего, сын за отца не отвечает». И эта цитата Сталина сразу утихомирила тех, кто не прочь был надо мной поизмываться...

Я считаю, что мы не вправе предавать собственную историю. Там есть все: и хорошее, и плохое, и радостное, и страшное. Ничто из прошлого не должно быть забыто или отвергнуто.

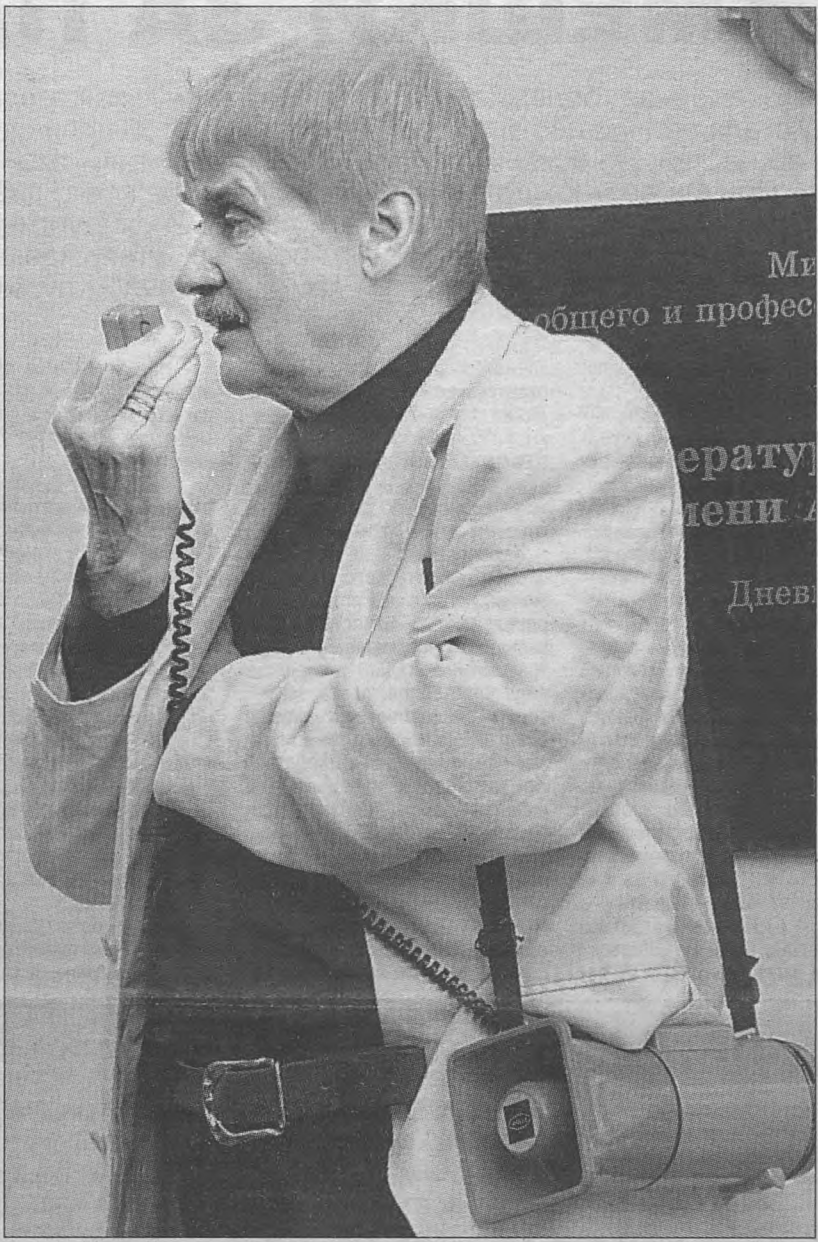
- Вы автор книги «Смерть титана. В.И. Ленин». Вождем мирового пролетариата действительно был таким монстром, каким теперь принято его представлять в искусстве?

- Еще студентом я собирал материалы для работы «Юмор как система доказательств в произведениях Ленина». Владимир Ильич меня

Сергей ЕСИН:

СТРЕМЛЮСЬ ПОЙМАТЬ УСКОЛЬЗАЮЩЕЕ МГНОВЕНИЕ

Он сочинил романы «Имитатор», «Затмение Марса», «Соглядатай», повесть «Гувернер» и многие другие произведения, которые вызвали неизменный читательский интерес, принося автору литературные премии. С 1992-го по январь 2006 года профессор Сергей Есин был ректором Литературного института имени Горького – учебного заведения, аналогов которому нет нигде в мире. Подробно об этой службе писатель рассказал в своей книге «На рубеже веков. Дневники ректора». Недавно журнал «Новый мир» опубликовал новый роман Сергея Есина «Марбург», который не только критики уже назвали событием ушедшего года, а сам писатель отметил 70-летний юбилей.



интересовал как смелый, ироничный и виртуозный публицист. На радио я записал звуковую книгу о нем. В разные годы ленинская тема проходит в моих повестях. А восемь лет назад мне предложили написать о нем роман. В то время Ленин был самым ругаемым персонажем российской истории. Его обвиняли чуть ли не во всех смертных грехах. Я не знал, как писать исторические романы. Повествование повел от имени самого Ленина, уже находящегося при смерти. Представил себе драму человека, который, несмотря на болезнь, все так же ясно мыслит, как в свои лучшие годы, однако немощное тело ему уже не подчиняется. А вокруг в ожидании политического наследия сгрудились Сталин, Троцкий и другие «верные соратники».

Ленин не был монстром. Сейчас часто цитируют те его письма, в которых он призывал расстреливать кулаков и бунтующих рабочих. А что, во время Французской революции кровь не лилась рекой? Казненного революционером Людовика XVI жалко не меньше, чем Николая II. Любая революция – это не праздник, а катастрофа для страны и народа. Кстати, философ Иван Ильин считал Ленина порождением русской монархической идеи, олицетворением простонародной веры в доброго царя, который всех расудит по справедливости. Одно безусловно: Ленин – самый легендарный политический деятель XX века.

- Вы являетесь постоянным председателем жюри гатчинского кинофестиваля «Литература и кино» – единственного в своем

роде конкурса экранизаций. Наблюдается ли прогресс в этой области кинематографа?

- Год на год не приходится. Каждый раз программу собираем с трудом. Все держится во многом благодаря энтузиазму Генриэтты Карповны Ягибековой, она гендиректор и душа фестиваля. Уверен, что снимать кино «по книжкам» будут все больше. Почти все знаменитые фильмы имеют в своей основе большую литературу.

- А почему в прошлом году обошли основными наградами расхваленное кинокритиками «Долгое прощание» Сергея Урсуляка?

- Это хороший фильм с блестящими актерскими работами. И мы в жюри сошлись во мнении, что там есть все... кроме трифоновской проблематики. Наверное, поэтому картина не задевает. И я, старый скептик, даже стал сомневаться: а может, Юрий Трифонов безнадежно устарел? И когда недавно Станислав Говорухин позвал на премьеру своего нового фильма, снятого по роману Владимира Дудинцева 1956 года «Не хлебом единым», я был в сильном сомнении: можно ли сегодня оживить на экране проблемы советской интеллигенции? Но после сеанса понял, что зря опасался. Фильм получился грандиозным. Там есть актуальная проблема, отражено время, поднята масса вопросов, требующих раздумий. И почти никакой эротики. Есть одна сцена, с точки зрения современного кино совершенно безобидная, где героиня, сидя на койке, надевает чулок. Но этот эпизод показался мне во сто крат эротичней, чем все те постельные сцены, кото-

рыми щедро напичканы наши фильмы последних лет. Значит, дело не в первоисточнике, а в том, насколько режиссер проникся экранизируемой вещью и смог в ней нащупать нерв современности.

- Основная тема ваших произведений – двойная жизнь российского интеллигента. Откуда черпаете исходный материал, с каких натур пишете?

- Общаюсь с людьми интеллигентными, вольно или невольно подмечаешь какие-то интересные черточки. Многие черпаю из своей жизни. Помещаю вымышленных героев в обстоятельства своей жизни и заставляю их поступать так, как я бы никогда не поступил. Получаются причудливые результаты. Например, моя пьеса «Сороковой день». В жизни было так. Я шел на поминки по отцу и размышлял, что бы могло получиться, если бы на моем месте оказался более корыстолюбивый человек. Как бы он начал воевать с моей мачехой и сестрой за право наследовать гараж в Москве и дачу в Подмоскovie. В результате получилась пьеса, которая в перестроенные годы долго не сходилась со сцены Театра Гоголя.

- Если на ТВ захотят превратить ваши книги в сериалы, вы не станете сопротивляться?

- Недавно у меня произошел разговор с руководителем Первого канала Константином Эрнстом по поводу романа «Имитатор». Не знаю, что из этого получится: кино – это действие, а один известный критик сказал, что «у Есина рефлексия преобладает над действием». Поживем – увидим. Из эпопеи Василия Аксенова «Московская сага» получился неважный сериал. И от «Де-

тей Арбата» режиссера Эшпая я заранее ничего хорошего не ожидал, но фильм состоялся. На экране сюжету Анатолия Рыбакова было придано более интересное качество, чем в романе, который я так и не дочитал до конца. Есть у меня такая слабость: не дочитываю неинтересные мне вещи. По этой причине не могу осилить Виктора Пелевина, Дмитрия Быкова и некоторых других новомодных авторов. Они начинают блестяще, но через десяток страниц ощущаешь, что не получается того густого взвара из слов и чувств, который так ценится в настоящей прозе.

- Как вам удавалось совмещать административную работу на посту ректора Литинститута имени Горького с писательством?

- Сомерсет Моэм говорил: «Писатель не должен бросать службу, лучшего наблюдательного пункта ему не найти». И это действительно так. Перед моими глазами ежедневно проходило столько народу, что с первых минут общения с новым человеком я уже могу многое о нем рассказать. Особая статья – наши студенты. Вы не представляете, что это такое: пять лет приходится к одним и тем же студентам и говорить, казалось бы, об одном и том же: о сочинительстве. Как надо быть внутренне готовым к этому театру одного актера! В одиннадцатом номере «Нового мира» за 2005 год опубликовано окончание моего нового романа «Марбург» и в том же журнале – повесть нашего студента Антона Тихолоза «Без отца». А в позапрошлом году два литинститутовца были удостоены Всероссийской премии за достижения в области драматургии «Действующие лица»: Ион Друцэ, лет 30 назад окончивший у нас Высшие литературные курсы, получил вторую премию за пьесу «Последняя любовь Петра Великого», а первая премия досталась 18-летнему Александру Демахину за пьесу «Бабий дом». Кстати, недавно Саша получил молодежный «Триумф». Вот с какими студентами приходится иметь дело. Им кажется, что это я их учу, но сам я учусь у них не меньше...

Наш вуз можно считать благополучным. За последние 12 лет не было ни одной задержки зарплаты педагогам. Для студентов – бесплатное питание. Меня искренне удивляет, когда возмущаются, что где-то в учебных заведениях не хватает денег. Я давно понял простую истину: или материальных благ хватает на всех, или все достается одному. Когда по ТВ сообщили об увольнении ректора одного провинциального вуза и показали его дачу, то при виде этого роскошного дворца стало понятно, за что он получил пулю.

- Во вступлении к роману «Марбург» вы говорите, что у писателя среди побудительных мотивов к сочинительству не должно быть стремления заработать. А может ли сегодня хороший литератор разбогатеть?

- Заниматься настоящей литературой всегда было невероятно тяжело. Среди хороших писателей последних десятилетий почти нет. Мне бы не хотелось сейчас углубляться в этот сложный вопрос, связанный с несовершенством нашего законодательства в издательской сфере. Увы, но писателя обворовывают на всех этапах пути его книги к читателям. Скажу лишь, что для всех пишущих людей время бесценной божьей жизни уходит. Теперь литератор должен быть собранным и трудолюбивым. Этим, в общем-то, всегда и отличался настоящий писатель. Лев Толстой отгулял свое в юности. И слухи о разгульной жизни Сергея Есенина сильно преувеличены, если вообще не придуманы им самим. Другой поэт, Осип Мандельштам, утверждал, что у него на одно стихотворение уходило шесть часов, семь чашек кофе и полторы пачки папирос. Насчет кофе и папирос ничего не скажу, а времени на тексты действительно уходит много почти у всех пишущих. Если это, конечно, настоящая литература, а не халтура и не читиво.

Беседу вел Анатолий СТАРОДУБЕЦ